

И. М. ЭРЛИХСОН

“ТРЕТЬЯ” ЖЕНЩИНА ЭПОХИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ РОМАНЕ (ДАНИЭЛЬ ДЕФО)

Сравнительный анализ романов Даниэля Дефо «Молль Флендерс» и «Роксана», представленный в статье, позволяет раскрыть позицию писателя по вопросам гендерного равенства, а также нарисовать социальный портрет женщины Нового времени с ее психологическими характеристиками, поведенческими моделями, восприятием окружающего мира и самой себя в нем.

Ключевые слова: Даниэль Дефо, “Молль Флендерс”, “Роксана”, Новое время.

Эпоха Возрождения – яркое проявление светского начала в христианстве, распространившего свое влияние на все области человеческой деятельности. Ренессанс – это синоним личной свободы, красоты, гармонии физических и духовных качеств человека, который осознал себя творцом собственной судьбы и окружающего мира¹. Уже в период раннего Просвещения гуманистически ориентированное мировоззрение стало питательной средой для этико-философских учений, в центре которых стоит не абстрактный человек-гражданин, а “человек вообще”, т.е. независимый индивид, чей частный интерес превращается в мерило и рычаг общественной морали. Но индивидуалистически ориентированное мировоззрение еще не распространялось на слабый пол: если мужчина воплощал собой новый образ свободной, суверенной личности, то женщину по-прежнему представляли существом по природе своей зависимым и зажатым в тиски семейных устоев.

В общественном сознании главенствует архетип женщины, являющийся результатом причудливого симбиоза двух социальных моделей, обозначенных французским социологом Ж. Липовецким, как «первая» и «вторая» женщина. «Женщина – это необходимое зло, втиснутое в рамки лишенных всякой привлекательности занятий; это низшее существо, систематически недооцениваемое или же презираемое мужчинами. Такой вырисовывается перед нами социальная модель “первой

¹ «На заре нового времени произошла перецентрализация, были отпущены на свободу творческие силы человека. И вот кипучая пора этих творческих сил и создала то, что мы называем Ренессансом, последствия которого продолжаются и до XIX века. Вся новая история есть ренессансный период истории. Этот исторический период стоит под знаком отпущения на свободу творческих сил человека, духовной децентрализации...». Бердяев. 1990. С. 100.

женщины”. После сформировалась новая социальная модель “второй женщины” – женщины, вызывающей восторги и поклонение... Первую женщину наделяли демоническими чертами и презирали; вторую женщину восхваляли, идеализировали и превозносили до небес. Однако в обоих этих случаях женщина пребывала в подчинении у мужчины, все мысли на ее счет складывались в его голове и женщину определяли по отношению к нему: она была такой, какой ее хотел видеть мужчина»².

Мировоззренческий шаблон подчиненности женщины определял преимущественно дидактический ракурс женской тематики в трудах философов и публицистов Нового Времени. Это неудивительно, учитывая то, что уже в XVII в. воспитание становится модным предметом обсуждения, а эпоху Просвещения и вообще можно назвать эрой педагогического оптимизма³. Но даже в трудах тех, кто выступал в защиту женского образования и разрабатывал программы его реформирования⁴, женщина так и не получила признания в качестве равноправного и независимого субъекта. «Когда эссеист Ричард Стил пытался в 1710 г. дать определение женщине, он сделал это в сжатой, но абсолютной типичной для своего времени манере: “Женщина – это дочь, сестра, супруга и мать, простой придаток рода человеческого...”»⁵. В унисон с английскими просветителями звучат голоса их континентальных “коллег”: «Все воспитание женщин должно иметь отношение к мужчинам. Нравиться этим последним, быть им полезными, уметь снискать их любовь к себе и почтение... Делать их жизнь приятной и сладкою – вот обязанности женщин во все времена, вот чему надо научить их с детства»⁶. Иными словами, женщину “великодушно” допускают к знанию, но не ради нее самой, а чтобы сделать ее пребывание приятным для окружающих, для комфорта мужа и детей. Бурный поток советов и рекомендаций прекрасному полу относительно поведения в обществе, нарядов, занятий, любви, семейного счастья, супружеской верности, которыми полна публицистика конца XVII – начала XVIII вв., однозначно формирует парадигму зависимой роли женщины в общественном сознании Нового времени.

² Липовецкий. 2003. С. 340, 345.

³ «Его идеологи видели основные пути достижения совершенного общества в пропаганде и распространении знаний, образовании людей, а также в воспитании у молодежи высоких нравственных принципов. Большое внимание они уделяли не только образованию юношей, но и девушек». *Лабутина*. 2001. С. 121.

⁴ Подробнее о программах Дж. Локка, Дж. Свифта, Дж. Аддисона, Р. Стиля, Г. Галифакса, М. Эстелл см.: *Лабутина*. 2001.

⁵ История женщин... Т.2. С. 26.

⁶ *Руссо*. 1981. Т. 1. С. 442.

Между тем, более пристальный анализ английской публицистики начала XVIII в. дает основания сделать предположение о наличии иных представлений о ролевой активности женщины. В частности, в результате анализа жанра и целей написания приписываемого перу Б. Мандевиля памфлета «Благопристойные аргументы в защиту государственных публичных домов» (1724)⁷ удалось показать, что многократно, с разных точек зрения и в контексте различных сюжетов автор, полностью игнорируя нравственно-дидактический аспект, обращается к проблеме гендерных ролей. Внешний эпатаж – всего лишь оболочка, под которой скрывается глубокий философско-психологический анализ содержания и специфики моделей социального поведения и мужчин, и женщин современной ему эпохи. В данном ракурсе женщины – уже не предмет неумеренной демонизации или, напротив, идеализации, не *tabula rasa*, на которой можно начертать то, что угодно мужу или отцу, а *равноценный* мужчинам объект социологического анализа.

Однако гипотеза о появлении в начале XVIII в. представлений о ролевой активности женщин требует более аргументированного подтверждения. Представляется целесообразным попытаться в этом ракурсе проанализировать знаковые произведения художественной литературы, которые, отражая действительность, являются еще и блестящим экскурсом в область социальной психологии: «... при всей значительности того вклада, какой внесли в мировую культуру философы, экономисты, историки английского Просвещения, английский просветительский роман в области *человековедения* и *обществоведения* совершил переворот, еще более значительный»⁸. В свете избранной проблематики проанализируем романы «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» (1722) и «Счастливая куртизанка или Роксана» (1724) Д. Дефо, чтобы составить представление о социальном портрете женщины Нового времени, ее психологических характеристиках, поведенческих моделях, восприятии окружающего мира и самой себя в этом мире. Прежде чем приступить к анализу, кратко воспроизведем сюжеты обоих романов.

Молль – рожденная в ньюгейтской тюрьме дочь воровки, пойманной на краже и сосланной в колонии. Маленькой Молль повезло: до четырнадцати лет она воспитывалась в приходском приюте у бедной, но благочестивой и образованной женщины, и к тому же пользовалась благосклонностью местных знатных дам, принимавших живое участие в ее судьбе. Несмотря на происхождение, Молль с детства питала непреодо-

⁷ Подробнее о проекте Мандевиля см.: Эрлихсон. 2011.

⁸ *Елистратова*. 1966. С. 9.

лимое отвращение к черной работе и стремилась стать «барыней», что в ее наивном детском понимании означало «возможность собственным трудом зарабатывать на хлеб». После смерти своей благодетельницы она попала в богатую семью, где получила светское воспитание: научилась петь, танцевать играть на клавикордах, причем по ее хвастливому утверждению, делала она это несравненно лучше, чем барышни. Тщеславие и сыграло с Молль злую шутку: будучи девушкой «рассудительной, скромной и добродетельной», она поддалась соблазну и стала любовницей старшего сына, хоть и вынуждена была в конечном итоге выйти замуж за его младшего брата. Овдовев, Молль выходит замуж за незадачливого купца, «бездельника, барина, лавочника и нищего», который за год спустил их совместное состояние и не нашел ничего лучшего как сбежать от кредиторов, оставив супруге двадцать кусков голландского полотна и тюк муслина. Молль выходит из щекотливого положения традиционным способом: она находит очередного мужа и уезжает с ним в Виргинию на его плантацию. Но и здесь она не обретает счастья: в матери мужа, от которого она успела родить двух детей, она узнает собственную мать. Не в силах далее сожительствовать с братом, Молль бежит в Англию, и в течение следующих шести лет живет на содержании у богатого джентльмена, а когда получает отставку, вновь выходит замуж, как ей кажется, за знатного и богатого помещика. Но «помещик» оказывается ирландским разбойником с большой дороги, еще более нищим, чем она. После упоительного медового месяца муж исчез, а Молль, пристроив ребенка, достигает тихой гавани и выходит замуж за добропорядочного банковского клерка. После пяти лет совместной жизни, ее муж разоряется и умирает, а Молль становится воровкой и достигает вершин воровского искусства, превратившись в неуловимую легенду преступного мира, но наступает момент, когда удача отворачивается от нее: ее ловят с поличным на краже двух кусков шелка и приговаривают к смертной казни. Приговор заменяется ссылкой в колонии, и Молль, счастливо воссоединившись со встреченным в Нью-гейте «ланкаширским мужем», отправляется в Виргинию, где встречает сына и становится преуспевающим плантатором.

Сюжет «Роксаны» сводится к следующему: француженка по происхождению, в 1683 г. она была привезена родителями, спасавшимися от религиозных преследований, в Англию, где получила прекрасное образование и в возрасте пятнадцати лет вышла замуж за крупного лондонского пивовара. Прожив в браке восемь лет и родив пятерых детей, героиня остается соломенной вдовой, так как ее незадачливый супруг,

промотав состояние, не нашел ничего лучшего, как скрыться в неизвестном направлении, бросив семью на произвол судьбы. Пристроив детей, а фактически подкинув их родне мужа, героиня становится любовницей своего домовладельца, ювелира по профессии, отправляется с ним во Францию, а после его смерти, уступает домогательствам некоего принца, в течение последующих восьми лет делит с ним ложе, и даже рождает ему трех детей. Когда же связь заканчивается, она отправляется в Англию, где под именем Роксаны достигает вершины карьеры куртизанки: следующие три года она проводит «вдали от света в обществе лица, имя которого долг и данное ему слово повелевают не открывать», в котором угадывается английский король. По истечении этого срока, Роксана, «пооблиняв подобно брошенной любовнице», но, все же сохранив привлекательность, поступает на содержание состоятельного аристократа, и живет с ним, пока ей «не опротивел не только милорд, но и самый порок». «Теперь-то зачем мне ходить в шляхах?», – словно прозревает Роксана и начинает тщательно замечать следы «мерзостного и гнусного ремесла», которым она промышляла на протяжении двадцати шести лет. Она меняет место жительства, сняв комнаты у некоей «доброй квакерши», облачается в квакерский наряд, и, в конце концов, выходит замуж за состоятельного голландского купца, своего давнего знакомого, с которым она некогда состояла в любовной связи и даже родила от него ребенка. Но «если в прежних романах Дефо герои, пройдя через множество испытаний, обычно напоследок благополучно достигали тихой пристани, то в “Роксане” этот шаблон нарушен...»⁹. Сьюзен, старшая дочь героини от первого брака, когда-то служившая судомойкой в ее собственном доме, путем логических умозаключений приходит к выводу, что Роксана – ее мать. «Она продолжала упорствовать, и чем дальше, тем хуже, утверждая, что ее матушкой является леди Роксана и что она наводила кое-какие справки и не сомневается вывести ее (то есть меня) на чистую воду»¹⁰. Сьюзен с азартом охотницы преследует Роксану по деревням и курортам английской провинции, пытаясь вырвать у нее признание, пока у Эми, верной наперсницы Роксаны не созревает роковой замысел, о котором, как уверяет Роксана, она узнала лишь после того, как он был приведен в исполнение. «Из признаний Роксаны, из поведения Эми, и, наконец, из исчезновения девушки читатели могут сделать вывод, что убийство совершилось»¹¹. Когда

⁹ *Елистратова*. 1966. С. 147-148.

¹⁰ *Дефо*. Роксана. С. 222.

¹¹ *Елистратова*. 1966. С. 154.

Сьюзен внезапно исчезает, Роксана приняв ее смерть как свершившийся факт, отправляется вместе с семьей и Эми в Голландию. «...Я благополучно прибыла в Голландию с супругом и нашим сыном, ранее мною упомянутым, и зажила со всем великолепием и пышностью, соответствующими нашему положению... Здесь по прошествии нескольких лет, в течение коих я процветала и наружно благоденствовала, меня постигла череда страшных бедствий – меня, и Эми!»¹².

Итак, перед нами жизненные истории двух незаурядных женщин, нравственно безупречных, что и составляет львиную долю их притягательности. Их любовные и брачные авантюры интересны, главным образом тем, что любой, даже незначительный эпизод сопровождается изощренным психологическим самоанализом, своеобразной «бухгалтерией чувств и душевных побуждений». Каждый аморальный поступок, будь то кража, обман или прелюбодеяние, предваряет логичная мотивация, а завершает тщательная калькуляция выгод и убытков как для материального, так и для духовно-нравственного состояния героинь. Истории Роксаны и Молль – великолепные иллюстрации к квинтэссенции памфлета Мандевилля: «Некоторые скажут, что преступно заставлять женщин зарабатывать подобным способом, ибо существует вероятность нравственного исправления... Но потеря добродетели настолько развращает женщин, что они никогда не изменят образ жизни и не восстановят доброе имя». На поприще греха Молль подвигает тщеславие, а удерживает на нем нужда, в случае Роксаны – то же самое, только в обратной последовательности. Мандевиль прозорливо утверждал, что женская добродетель абсолютно беззащитна перед мужским посягательством, а эстетическое приданое жертвы, умноженное на отсутствие экономического приданого, многократно повышает вероятность нравственного падения. «Чем красивее женщина, тем больше соблазнов; ...нет ничего легче, чем вскружить голову невинной девушке; а бедность и вовсе обесценивает добродетель, превращая ее в легкую добычу»¹³. И Молль, и Роксана откровенно гордятся красивым лицом и статной фигурой: первая хвастается, что «природа наделила ее дарами, которых никакими богатствами не приобрести»¹⁴, а вторая безжалостно трет лицо мокрым платком, чтобы доказать своему венценосному любовнику, что «одна природа повинна в том, что ему угодно считать ее красотой»¹⁵.

¹² Дефо. Роксана. С. 264.

¹³ Mandeville. 2006. P. 81.

¹⁴ Дефо. Молль Флендерс. С. 29.

¹⁵ Дефо. Роксана. С. 62.

Некрасивая и бедная женщина едва ли заинтересует романиста, моралиста, обольстителя, потому «указание на красоту функционирует как диагноз врача, которому достаточно одного взгляда на лицо и тело, чтобы увидеть будущее в форме скользкого спуска... Что касается бедной девушки, быть красивой – это еще один риск выставлять на общее обозрение свою социальную слабость... Двойное ухудшение: с одной стороны, экономическая нищета превращает красивую женщину в беззащитную жертву... С другой стороны, сама женская природа, слишком явно проявляющаяся в красоте, неизбежно толкает ее обладательницу к своей судьбе: первородный грех заставляет красавицу поддаться искушению (яблоко, драгоценность, обещание), а затем совершить окончательное падение, вписанное в ее тело»¹⁶. Так, Молль, наивная, не имеющая жизненного опыта, упивающаяся своим превосходством над менее привлекательными наперсницами, попадает в ловушку опытного обольстителя. Вся во власти первой любви, она не забывает о финансовой стороне дела, любуясь золотыми монетами, подаренными ей молодым баринном, хотя и сетует на то, что продешевила, продавая свою девичью честь. «Если бы мне были известны его мысли, если бы я знала, какой кажусь ему неприступной, то поставила бы условия, потребовав от него или немедленно жениться или содержать меня до женитьбы, ведь мой обожатель был очень богат да еще ожидал наследства. Но мне и в голову не приходило подумать об этом, я только гордилась своей красотой да, тем, что меня любит такой барин»¹⁷. Любовь Молль сильна: после разрыва отношений она настолько психологически опустошена, что несколько недель находится на волосок от смерти, истерзанная жестокой горячкой. Она долго отказывается выйти замуж за брата своего любовника, хотя в ее положении это был бы наилучший выход из ситуации, а пять лет супружеской жизни с нелюбимым мужем в ее деловитом изложении уместились в несколько строчек с итогом в 1200 фунтов капитала.

С Роксаной дело обстоит иначе: дочь состоятельных родителей, прекрасно образованная и отлично знающая себе цену, она принесла мужу богатое приданое, которое тот промотал. И статус замужней дамы не спасает героиню, когда она остается одна без средств к существованию и с пятью детьми на руках. Ситуацией пользуется домовладелец, который, вероятно, давно заглядывался на нее. Ничто более не удерживает ее от прелюбодеяния: ни презираемый муж, ни ловко пристроенные дети. И трудно поверить в то, что такая здравомыслящая и прак-

¹⁶ История женщин... С. 102-103.

¹⁷ Дефо. Молль Флендерс, С. 37.

тичная особа, какой Роксана предстает с первых же страниц, питает иллюзии по поводу намерений женатого мужчины, тратящего солидные суммы на обустройство быта привлекательной соломенной вдовы. Роксана – прекрасная актриса, понимающая, что сам факт борьбы оправдывает моральное падение женщины в глазах мужчины. И хотя она высокопарно заявляет, что «лучше умрет с голоду, чем станет шлюхой», последнее, к чему она готова, так это к голодной смерти. Мандевиль признавал, что в подавляющем большинстве случаев женщины торгуют собой не добровольно, а из-за нужды и невозможности заработать иным, более честным способом. «Нищета, – восклицает Роксана, – вот, что меня погубило, ужасающая нищета! ...возможно ли было ожидать от женщины, лишенной какой бы то ни было поддержки, не имевшей друзей, ...возможно ли ожидать, чтобы женщина в подобных обстоятельствах отвергла сделанное ей предложение?»¹⁸. Но следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство. Наверняка Дефо на личном опыте не раз убеждался в прекрасных актерских способностях слабого пола: женщины, зная, что мужскому самолюбию претят легкие победы, создают видимость сопротивления и извлекают из этого спектакля не только удовольствие, но и выгоду. Можно аплодировать “таланту” Роксаны, умело распалюющей поклонника: для беззащитной “жертвы”, как она высокопарно именует себя, она проявляет слишком цепкую деловую хватку, выбив у любовника договор об условиях своего содержания и даже вексель на пятьсот фунтов в случае его смерти.

Истинную позицию Роксаны очень точно выражает ее служанка Эми: «Ах Эми, я право не знаю, как быть! – сказала я. – Надеюсь лишь, что он ничего такого у меня не попросит... ах, только бы не попросил! А попросит, я не знаю, что ему и сказать. – Не попросит! – передразнила меня Эми. – Как не так! Уж поверьте мне – попросит и уж, разумеется, получит. Не такая же моя госпожа дурочка!»¹⁹. Роль Эми в жизни Роксаны не ограничивается тем, что она ее служанка и ближайшая наперсница, мастерски устраивающая ее дела, в особенности те, которые Роксана не желает предавать огласке. «Слуга – это вечный “третий” в частной жизни господ. Слуга – свидетель частной жизни по преимуществу. Его стесняются почти так же мало..., и в то же время он призван быть участником всех интимных сторон частной жизни... Слуга – это особая воплощенная точка зрения на мир, без которой литература частной жизни не могла обойтись»²⁰. На наш взгляд, Эми проецирует тем-

¹⁸ Дефо. Роксана. С. 34.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Бахтин. 1975. С. 276.

ную часть души Роксаны, как зеркало, отражая ее тайные желания, в которых та боится признаться даже самой себе. Хотя Эми, как верный вассал, фанатично предана своей хозяйке, она остроумна, находчива, не уступая, а в чем-то и превосходя Роксану, что нарушает властный баланс между ними. К тому же Роксана возлагает ответственность за свои грехи именно на Эми, потому-то она развращает ее осознанно и хладнокровно, ставя под свой контроль ее тело и душу: «...так как я себя саму почитала за шлюху, в намерения мои, – цинично рассказывает Роксана, – входило сделать такую же шлюху из своей служанки, дабы она не могла мне тыкать в глаза моим грехом»²¹.

Мандевиль признавал, что в подавляющем большинстве случаев женщины торгуют собой не добровольно, а из-за нужды и невозможности заработать более честным способом. Из своего грехопадения и Молль, и Роксана выносят важный урок: достичь благосостояния женщина может лишь посредством эксплуатации своего сексуального потенциала, и единственный товар, который она может продать на ранке брачных и псевдобрачных отношений – это собственное тело. И хотя Молль откровенно признается, что «любила общество веселых и остроумных, обходительных и видных мужчин и часто развлекалась с ними»²², но когда речь заходит о браке, от эмоций и тяги к плотским наслаждениям не остается и следа. «Однажды меня поймали на удочку, называемую любовью, но с этой игрой было покончено; я твердо решила, что соглашусь только на брак, и притом выгодный...»²³. Молль полагает, что в брачных играх умная женщина всегда одержит верх над мужчиной, и презирает бедняжек, которые рвутся в супружество как боевые лошади в сражение. Она понимает, что для достижения цели ей нужно соблюсти два важных условия. Первое – обзавестись безупречной репутацией, потому что «мужчины отказываются от легких побед, понимая, что женщина, готовая прибежать по первому зову, будет немногого стоить как жена»²⁴, а второе – внушительным годовым доходом, так как по ее меткому выражению, «приданое не косит и не хромает, деньги всегда милы, какова бы не была жена»²⁵. Ни того, ни другого у Молль нет, но она ловко обводит вокруг пальца некоего джентльмена, рассчитывающего умножить свое состояние с помощью брака с ней. По ее собственным словам, она «так крепко подцепила молодчика», что узнав правду об ее

²¹ Дефо. Роксана. С. 41.

²² Там же.

²³ Дефо. Молль Флендерс. С. 79.

²⁴ Там же. С. 97.

²⁵ Там же. С. 88.

истинном финансовом положении, он только ограничился замечанием, что представлял ее гораздо богаче, чем она была на самом деле. Правда, когда Молль попыталась проделать подобный фокус второй раз, выдав себя за богатую вдову, она выступила уже в роли потерпевшей стороны, так как оказалась замужем не за богатым и благородным джентльменом, а нищим джентльменом удачи. И, наконец, последнюю брачную аферу Молль проворачивает, когда искусно скрыв свои любовные приключения и беременность, будучи уже в зрелом возрасте, выходит замуж за банковского клерка и в браке с ним рождает двоих детей.

Итого, за плечами Молль пять браков, из которых три последних были незаконными, а также шесть лет в статусе любовницы и содержанки, так что она может сравнить обе стороны медали. Молль признает: хотя любовницу мужчина выбирает по влечению сердца, но положение ее зыбко и ненадежно, так как «мужчины, которые обзаводятся любовницами, часто меняют их от пресыщения, ревности или по иным причинам»²⁶. Еще более четко эту мысль выражает Роксана: «Я убедилась, что с женой обращаются пренебрежительно, любовницу же боготворят; на жену смотрят как на старшую горничную, на любовницу – на королеву... Такими-то лукавыми доводами я пыталась оправдать свой блуд; и в опровержение этих доводов я даже не пыталась привести разницу между положением жены и любовницы в другом отношении... Наложница прячется по наемным квартирам, ее навещают в темноте ночи... Покуда бушует порочная страсть и ее возлюбленный в руках сатаны, он ей принадлежит, и покуда он принадлежит, она из него веревки вяет... Стоит ему поддаться раскаянию, его первые шаги на пути исправления обратятся против нее, и... чем искренне его раскаяние, чем пристальнее вглядывается в себя, тем сильнее возрастает его отвращение к ней, и он начинает проклинать ее всей душой»²⁷.

У Роксаны более богатый опыт незаконного сожительства, так как она в отличие от Молль не стремится связать себя супружескими узами, предпочитая проводить время в «веселом отшельничестве». Вступив на скользкий путь, Роксана уже не может остановиться, словно подтверждая мысль Мандевиля о том, что для любой женщины грехопадение – первая ступенька в карьере распутницы. После гибели любовника она достаточно обеспечена, но все же не находит сил отказать знатному французскому вельможе и охотно уступает его страсти: «...если стремление выбиться из нужды является неодолимым соблазном для обездо-

²⁶ Там же. С. 152.

²⁷ Дефо. Роксана. С. 109-110.

ленных, то для прочих роскошь и утоление тщеславия являются не менее сильным искушением... Сейчас меня не преследовала бедность... и обладай я силой воли, и окажи я отпор первой атаке, я была бы в полной безопасности; но я давно уже утратила добродетель, и дьявол, который нашел способ одолеть меня соблазном одного рода, с легкостью одержал надо мною победу с помощью другого соблазна»²⁸. Если раньше в роли “дьявола”, развратившего Роксану, выступала нужда, то теперь – тщеславие и жадность к деньгам. Поражает болезненная страсть Роксаны к восхищению собственной особой. Она с упоением выслушивает комплименты принца, называющего его первой красавицей Франции, и признается, что «лучшего способа пробить брешь в моей добродетели, если бы я таковой обладала, нельзя было придумать. Ибо к тому времени я сделалась самой тщеславной женщиной на свете и моя красота составляла главный предмет моего тщеславия; чем более ее превозносили, тем сильнее и безрассуднее я в себя влюблялась»²⁹. В этом отношении «принц и Роксана – идеальная пара: жадные до удовольствий и обладания предметами роскоши, они взаимно подпитывают друг друга»³⁰. По словам героини, «если принц был единственным божеством, коему я поклонялась, то и он меня, можно сказать, боготворил»³¹. На Роксану проливается золотой дождь, а она, предвидя, что рано или поздно принц бросит ее, предусмотрительно «собирает урожай, пока светит солнце», а точнее говоря, сохраняет и упрочивает свое богатство, значительно увеличившееся благодаря щедрости ее покровителя. Получив отставку у принца, Роксана возвращается в Англию с вполне конкретной целью: «...будучи столь высокого мнения о своей красоте, соглашалась довольствоваться... лишь королем – не меньше!»³². По ее поручению Эми снимает великолепный дом, где она селится под видом знатной француженки и начинает устраивать блистательные балы-маскарады, на которые собирается «великое множество народу, причем с намерениями отнюдь не добродетельными». На одном из них она исполняет “турецкий” танец, который становится вершиной ее карьеры куртизанки и благодаря которому она получает прозвище Роксана.

В XVII–XVIII вв. Роксана – производное от “Роксоланы”, супруги Сулеймана Великолепного, фигурировавшей в «Истории турок» Р. Нолла (1603) и прочно ассоциировавшейся с роскошью, безбожием, амби-

²⁸ Там же. С. 55-56.

²⁹ Там же С. 53.

³⁰ King Hicken. 2009. P. 75.

³¹ Дефо. Роксана. С. 60.

³² Там же. С. 140.

циями и властью над мужчинами. Именем бывшей рабыни, покорившей восточного деспота, стали называть куртизанок высшего разряда, извлекавших политические и экономические дивиденды из своей власти над мужчинами. Характерно, что две женщины, персиянки по происхождению, исполнявшие оригинальный восточный танец, уступают европейской сопернице в турецком костюме, исполнявшей «изобретение славнейшего парижского танцмейстера» «Сверх того, – не без иронии повествует Роксана, – нашелся господин, имевший глупость объявить, будто сам был свидетелем, как этот танец исполнялся в Константинополе; разумеется, все это был сущий вздор»³³. Последнее неудивительно, поскольку «европейская публика XVII века слишком лелеяла представления о воображаемом “Востоке”, не задумываясь о том, насколько они соотносились с подлинными восточными реалиями»³⁴.

Роксана достигает желаемого: она привлекает внимание короля и следующие три года проводит в «великолепном затворничестве», из которого выходит с состоянием в тридцать пять тысяч фунтов. Роксана вполне могла бы жить одна, если бы последовала правилу Молль, гласящему, «что женщине никогда не следует быть содержанкой, если у нее достаточно денег, чтобы содержать себя»³⁵. Но жадность ее безгранична: она вновь идет на содержание к некоему знатному милорду и терпеливо выносит его извращенные прихоти, при том, что по натуре она скорее холодна и равнодушна к плотским утехам. «По складу я не была порочна; в крови не горел огонь, воспламеняющий желания», – признается Роксана. Несмотря на многообещающее название, в тексте романа отсутствует репрезентация сексуальности. «Ни в одном месте Дефо не преступает рамок пристойности и того обещанного им во вступительной части описания пороков, которое вправе было ожидать тут, и это объясняется отнюдь не пуританством автора, а, скорее, безразличием героини к самой основе естества, ставящей превыше всего расчет и финансовую сторону “любовной сделки”»³⁶. Роксана умело эксплуатирует физическую привлекательность, утверждая свою индивидуальность через обладание материальными ценностями. И трудно судить, кто из них корыстней: добродушно-сентиментальная Молль, которая «с бесконечным наслаждением вспоминает очаровательные часы, проведенные с мужем», тем самым, который оказался грабителем с большой дороги, или трезвомыслящая Роксана, откровенно признающая, что, а

³³ Там же. С. 143.

³⁴ Roxolana in European literature... P. 38-39.

³⁵ Дефо. Молль Флендерс. С. 80.

³⁶ Романчук. Специфика языкового стиля...

«любовь для нее и вовсе «смехотворный предмет, если не соединен с главным, то есть, с деньгами». Первая становится едва ли не kleptomанкой: золотые часы, кольца, посуда, ожерелья, перчатки, табакерки превращаются в денежный капитал, каждый прирост которого она тщательно фиксирует, теряя чувство меры и будучи не в силах остановиться. «Стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, ... характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной»³⁷. Молль даже не замечает грани, за которой преступление, впервые совершенное под давлением обстоятельств, превращается в навязчивую патологию. Разница между необходимостью и излишеством стирается, и каждый новый предмет роскоши, попадая в руки Молль, становится необходимостью. «С XVI века женщины становятся символом разрушительных сил капитализма. Страсть к материальным благам отныне разделяется на порочный консьюмеризм, ассоциирующийся с женственностью, и добродетельный меркантилизм, ее идеальную мужскую форму»³⁸. Роксана же с упоением коллекционирует не только предметы роскоши, но и титулы. Трудно согласиться с тем, что «героиня не дает ослепить себя мишурному блеску аристократических титулов и придворной роскоши»³⁹. «Быть окруженной слугами, именоваться пышными титулами, слышать из всех уст: “Ваше высочество”, проводить дни в княжеском великолепии – и что больше – в объятиях человека столь высокопоставленного – все это, говорю, ослепило меня, вскружило мне голову и в течение двух недель, по крайней мере, я была вне себя, можно сказать, безумна», – так описывает Роксана свое состояние, когда перед ней забрезжила возможность стать женой принца⁴⁰.

Двойственность положения Молль и Роксаны определяется тем, что, позиционируя себя как обладательниц материальными ценностями, каждая из них до определенного момента – не активный субъект, а скорее объект обладания, товар, чью стоимость в конечном итоге определяют мужчины. Потому и отношение к мужчинам у героинь неоднозначное. С одной стороны, на протяжении всего повествования они с упоением предаются самообличению, характеризуя свое поведение и моральный облик с помощью самых нелестных для себя эпитетов, в то время на сожительствующих с ними *женатых* мужчин обвинительный пафос ни в какой мере не распространяется. Французский любовник Рок-

³⁷ Вебер. 1990. С. 206.

³⁸ Kitsi-Mitakou. 2005. P. 87.

³⁹ Елистратова. 1966. С. 150.

⁴⁰ Дефо. Роксана. С. 187-188.

саны, по ее словам, был «смирненнейшим, добродушнейшим из смертных», который под ее воздействием был «вовлечен в столь тяжкий грех», хотя из ее собственного изложения событий вырисовывается прямо противоположная картина. Рассказывая о своем любовнике из Бата, который довольно бесцеремонно бросил ее, Молль не допускает ни одного слова упрека в его адрес. Это вполне коррелирует с господствовавшим концептом двойных стандартов, идеей неравенства двух полов, обусловленного особенностями физиологического и духовного склада, и потому непреодолимого⁴¹. Мандевиль в своем проекте писал, что женское желание, обладая такой же силой как мужское, не оказывает столь разрушительного воздействия на основы общественного порядка, в силу того, что надежно сдерживается грузом условностей, налагаемых на женщину традициями и общественной моралью.

Мужчина априори более свободен, так как право реализовывать природный инстинкт в полной мере монополизировано сильным полом. Мужская добродетель превращается в иллюзорное понятие. «Сами супружеские ценности подверглись принципиальным изменениям. Женщин лишили большей части свободы и даже права получать удовольствие от супружеских объятий. Даже врачи подтвердили, что добродетельные женщины фригидны по природе. Такое разделение ролей было в интересах мужчин-самцов, главенствующих в обществе. Они выиграли во всем, так как в общественной морали воцарился двойной стандарт, следуя которому один и тот же мужчина мог быть образцовым супругом и в то же время наслаждаться в объятиях проституток, не испытывая при этом никакой вины. Более того, послушные жены должны были быть прикованы исключительно к домашнему очагу, чтобы избегать нескромных посягательств посторонних мужчин... Связь с честной женщиной запрещена, но проститутки охотно раскрывают им свои объятия. Такой выход не просто допустим – он всячески приветствуется обществом, так как мужественность можно доказать только в сношениях с женщиной»⁴².

⁴¹ «История адюльтера является историей двойных стандартов: к внебрачным связям мужчин относились снисходительно, тогда как к внебрачным связям женщин – без всякой терпимости. ...Мнение, что мужское распутство и адюльтер являются простительными грехами, на которые женщинам следует смотреть сквозь пальцы, подкреплялось тем фактом, что... большинство браков в среднем и высшем классах устраивалось родителями, исходя из экономической или политической стратегии семьи... Второе объяснение господства двойных стандартов заключается в том, что женщин считали сексуальной собственностью мужчин, и их ценность снижалась, если их использовал кто-либо еще, кроме законного владельца. С этой точки зрения мужская честь зависела от женского целомудрия». (История женщин... С. 94-95).

⁴² *Мюшембле*. 2009. С. 18.

Но какие чувства питают к мужчинам женщины, чьи функции сводятся к поглощению мужской сексуальной энергии? Показателен эпизод, когда Молль, уже давно промышлявшая воровским ремеслом, по иронии судьбы приходится вспомнить веселую пору своей жизни: она уступает домогательствам некоего подвыпившего джентльмена и обирает его до нитки. «Не мешает здесь, кстати, заметить, что проституция вообще была тесно связана с преступлением. Большинство вольнопромышлявших девиц занимались вместе с тем воровством»⁴³. Исполнив роль проститутки низшей категории, Молль с циничной откровенностью заключает: «Нет ничего нелепее, гаже и смешнее нализовавшегося мужчины, разгоряченного винными парами и похотливыми желаниями... Если бы такие господа знали, какое презрение питают к ним женщины, с которыми они имеют дело в подобных случаях, это отбило бы у них охоту к таким похождениям. Как я сказала выше, эти женщины не ценят удовольствия, не одушевлены никаким влечением к мужчине; бесчувственная шлюха думает только о деньгах...»⁴⁴. Сама же Молль, хотя и признает, что благодаря невзгодам из нее вышла бы прекрасная жена, относится к представителям мужского пола со снисходительным пренебрежением. Она дерзко разговаривает со своим супругом (тем, что оказался ее единоутробным братом), и даже в момент эмоционального накала, воссоединившись с любимым мужем в Ньюгейтской тюрьме, излагает собственную, сильно отредактированную версию своей жизни. «Тут мы уселись рядышком, и я сообщила о своих приключениях все, что сочла удобным... я сказала, что меня приняли в тюрьме за некую Молль Флендерс, знаменитую воровку, о которой все слышали, но которой никто не видел; ему-то, однако, известно, что меня зовут совсем иначе»⁴⁵. По другую сторону океана организационные таланты Молль и вовсе раскрываются с необычайной полнотой: она приобретает плантацию и управляет ею с неженской деловой хваткой, благодаря чему земля приносит солидный годовой доход в триста фунтов. Двойственность натуры Молль отмечал Я. Уотт: «На первый взгляд, Молль обладает типично женскими чертами: она рачительная хозяйка, умеющая обустроить быт своих мужчин... Но сущность ее характера и поступки несомненно мужские... Молль не подвержена ни одной слабости, присущей слабому полу»⁴⁶.

Еще более неоднозначной выглядит Роксана. «Пусть я имела несчастье родиться женщиной, я твердо положила, что не дам этому обстоя-

⁴³ Фукс. 2010. С. 97.

⁴⁴ Дефо. Молль Флендерс. С. 289.

⁴⁵ Там же. С. 378-379.

⁴⁶ Watt. 1957. P. 112.

тельству омрачить мою судьбу, и поскольку свобода, по-видимому, считается исключительным достоинством мужчины, я намерена быть мужчиной среди женщин, ибо, рожденная свободной, я желаю такую же умереть»⁴⁷, – гордо заявляет она, когда сэр Роберт Клейтон уговаривает ее выйти замуж за богатого лондонского негоцианта. Относительно недолгий, но печальный матримониальный опыт убедил ее сначала в том, что не следует выходить замуж за “дурака”, а более десяти лет в роли куртизанки – что и вовсе не стоит выходить замуж. По мнению Роксаны, брак – это отказ от свободы, фактически узаконенное рабство: «Женщина должна быть столь же свободна и независима, как и мужчина; между тем брачное право зиждется на противоположных взглядах... Под предлогом любви женщину лишают всего, что делает ее самостоятельным человеком, у нее не может быть собственных интересов, стремлений, взглядов... Она живет в полном бездействии и верует не в бога, а мужа; благоденствует, либо гибнет в зависимости от того, умный ли человек ее муж или глупый, счастлив в своих делах или неудачлив»⁴⁸. Поражает стремление Роксаны к сексуальной и финансовой свободе: каждый акт купли-продажи своего тела она как настоящий деловой человек предвзвешивает и завершает изощренным бухгалтерским анализом. Но «в этом упоительном предметном и денежном перечислении, свойственном Роксане, сквозит не столько ее расчетливость, сколько своеобразная поэтика, жажда наслаждений, к которой постоянно апеллирует героиня»⁴⁹.

Возникает закономерный вопрос: какой же видел Роксану сам Дефо? «Классическим либертенмом эпохи Реставрации, гоббсовской хищницей, закосневшей в грехе»⁵⁰, или «дельцом в юбке, каким будет на исходе следующего столетия госпожа Уоррен Бернарда Шоу»⁵¹? И насколько близки самому Дефо феминистские рассуждения его героини, которая, лежа в постели с любовником, хладнокровно выстраивает четкую, логически выверенную систему аргументов против матримониального неравенства? И не важно, что взгляды Роксаны на брак высказаны по причине прагматичной и, в общем-то, являются лишь ширмой, за которой она прячет свой страх, нет, не перед нищетой (она ей не грозит!), а перед потерей контроля над состоянием. Мнения исследователей расходятся. Одни считают, что Роксана близка к идеалу коммерческого успеха Дефо, и она реализует право женщины контролировать свою независи-

⁴⁷ Дефо. Роксана. С. 139.

⁴⁸ Там же. С. 122.

⁴⁹ Романчук. Специфика языкового стиля...

⁵⁰ Linker. 2008. P. 245.

⁵¹ Елистратова. 1966. С. 150.

мость и постоянно расширять ее границы. Другие полагают, что нарисованный Дефо воинственный образ европейской амазонки – это путь в тупик. «Свободомыслие Роксаны, ее независимость заканчиваются самым “неженским” преступлением – убийством собственного ребенка, другими словами, закономерный итог реализации капиталистического идеала для женщины – неоправданное и неконтролируемое насилие⁵²».

Вопрос об отношении героинь к своему потомству чрезвычайно важен, так как фертильность в рамках отношений купли-продажи составляет такой же ценный ресурс, как и физическая привлекательность. Плодовитость Молль и Роксаны, каждая из которых родила более десяти детей, вполне коррелирует с представлением о людях как наиболее ценном из материальных ресурсов государства. На первый взгляд, и Молль, и Роксана почти не отягощены материнским инстинктом. Количество детей, рожденных ими от разных мужчин в браке и незаконном сожителстве, так велико, что иногда они сами путаются, называя его. Сентиментальная Молль испытывает что-то отдаленно похожее на раскаяние единственный раз, когда вынуждена оставить ребенка от любимого “ланкаширского” мужа, чтобы вступить в выгодный брак с банковским клерком. «Для того природа и вложила в сердце матери любовь к детям... А раз дети не могут жить без ухода, то, лишая их наших забот, мы все равно что убиваем их... иная ведь и бросает ребенка в надежде на то, что он умрет! И все равно, даже если ребенок остается жив, его мать – убийца, потому что она хотела его смерти»⁵³, – рассуждает она, признаваясь, что «материнское чувство было настолько сильно, что она готова была пожертвовать своим другом из банка...». Но на эту “жертву” Молль так и не решается и прибегает к услугам еще одного колоритного персонажа, некоей старой “пестуны” с обширной практикой «по очень деликатной части, или попросту говоря, по части разврата». Это женщина, прошедшая все ступени “карьерной лестницы” лондонского преступного мира: проститутка, сводня, повивальная бабка, пристраивающая незаконнорожденных детей, процентщица и, наконец, скупщица краденого, обучившая Молль азам воровского мастерства. Она пристраивает и ребенка Молль, отдав его “жене простого землепашца”, и больше об этом ребенке на протяжении всего повествования не сказано ни слова, как впрочем, и о других ее отпрысках. Исключение составляет обретенный по счастливой случайности сын от ее третьего, кровосмесительного брака. Потому-то трудно поверить в искренность

⁵² Brown. 1993. P. 152.

⁵³ Дефо. Молль Флендерс. С. 221-222.

Молль, растроганно целующей следы ног своего сына, учитывая то обстоятельство, что в его руках доверенность на распоряжение средствами от плантации, завещанной Молль ее матерью.

Однако все же можно согласиться с тем, что ничто не свидетельствует об отсутствии у Молль материнского инстинкта, и в своем равнодушии к детям она соответствует стандартам своего времени. «Низкий уровень акушерства и педиатрии в сочетании с пренебрежением и жестокостью приводили к тому, что уровень младенческой смертности был крайне высок. Вероятность того, что дети не выживут, в свою очередь, порождала своеобразный фатализм родителей и особый психологический настрой в обществе. Даже нежные и любящие матери редко посвящали себя воспитанию детей, которые чаще всего находились на попечении слуг... Причиной родительского равнодушия было и то, что детей в семье было слишком много, чтобы интересоваться каждым в отдельности»⁵⁴. Еще более жестким, если не сказать жестоким, было отношение к незаконнорожденным детям, что тоже было обусловлено конкретными реалиями эпохи. В Англии раннего Нового времени меры, направленные на профилактику детоубийств, проводились в русле борьбы с блудом и появлением незаконных детей. По актам 1575 и 1609 гг. женщины, родившие ребенка вне брака, помещались в исправительные дома. Согласно статуту 1624 года незамужняя женщина, чей ребенок умер сразу после рождения, автоматически обвинялась в детоубийстве, которое считалось преступлением против «плода своего чрева» и наказывалось сожжением или виселицей. На практике юридические нормы вкупе со страхом общественного порицания заставляли незамужних женщин, особенно из низших классов, оперативно избавляться от нежелательной беременности или тщательно скрывать ее от бдительных соседей. Количество дел о детоубийствах, рассматриваемых в судах, было невелико, но реальность расходилась с судебной практикой, и очевидцы отмечали, что «лондонские парки, канавы, мусорные кучи буквально кишели детскими трупами»⁵⁵.

Роксана сетует на то, что несчастная мать незаконнорожденного дитяти стоит перед страшным выбором: быть изгнанной с ним на улицу, умирать там с голоду или видеть, как ее младенца, запихнув в его пеленки какую-нибудь незначительную сумму, отдают одной из тех женщин – палачей в юбке, что берет детей, как это называется *на воспитан*

⁵⁴ *Lebenbaum*. 1988. P. 108.

⁵⁵ *Bastard and foundlings...* P. 43. Суды проявляли снисходительность к детоубийцам: и если случалось, что виновных находили, они отделялись легким приговором или оправдывались за недостаточностью улик. (История женщин... С. 501).

ние, а на самом деле морят их голодом, словом, убивают»⁵⁶. Сама она не оказывалась в такой ситуации, ведь ее любовники, от которых она родила детей, счастливо избавили ее от “радостей материнства”, обеспечив своих отпрысков достойным содержанием. Но все же трудно согласиться с А.А. Елистратовой, которая делает акцент на «драматично звучащей в романе теме поруганного материнства», которое мстит за себя.

Конечно, трезвомыслящую Роксану нельзя назвать нежной матерью. Она откровенно признается, что не жалела о смерти второго сына от принца и «часто, грешным делом, мечтала, чтобы тихо покинул сей мир» мальчик, которого она неосторожно родила от мимолетной связи с голландским купцом. Но в отличие от Молль, чей “материнский инстинкт” сводится к желанию «любоваться ребенком, не неся никаких расходов по его содержанию», Роксана на деле заботится о своих детях. Находясь на пике своей карьеры куртизанки, она находит их и делает все, чтобы избавить сына от участи подмастерья, устроить его карьеру, а дочерям дать светское воспитание. Ее желание остаться инкогнито усиливается, когда она начинает вести респектабельную жизнь, не омраченную образами скандального прошлого. Изматывающая психологическая дуэль между матерью и дочерью заканчивается исчезновением последней, из чего следует, что произошло убийство, и хотя совершилось оно без ведома Роксаны, но удивительно совпало с ее желанием избавиться от бесцеремонной и настойчивой девицы. Роксана говорит, что не желает слушать Эми, твердящую об убийстве⁵⁷. «Сьюзен – тоже часть Роксаны, и стремление избавиться от нее – равносильно неосознанному желанию уничтожить собственного эго, противного ей самой». Роксана предпочла, чтобы это случилось естественным путем, чтобы Сьюзен «сошла в могилу по-хорошему», например, умерла от болезни. Но Эми в очередной раз воплотила в жизнь тайные желания хозяйки, чем вызвала сначала ее ярость, а затем сожаление (!) об «прометчивости, с какою прогнала столь верную душу. «Что до несчастной девицы, – продолжает Роксана, – то она все время стояла у меня перед глазами... То я видела ее с перерезанным горлом; то с отрубленной головой и проломленным черепом; то ее тело свисало с чердачной перекладки; то она являлась мне в виде утопленницы...»⁵⁸. «...Та сугубо приватная жизнь, которая вошла в роман, по природе своей закрыта. Или ее можно раскрыть... прямо

⁵⁶ Дефо. Роксана. С. 67.

⁵⁷ Linker. 2008. P. 252. Дефо использует слово *murthering* (архаичная форма “murdering” – убийство), одной буквой отличающееся от *mothering* (материнская ласка).

⁵⁸ Дефо. Роксана. С. 255.

вводя в роман уголовный процесс, а в частную жизнь – уголовные преступления, или косвенно и условно...»⁵⁹. Последнее мастерски делает Дефо, и предполагаемое убийство Сьюзен воспринимается как свершившийся факт. Описанное буднично и хладнокровно, оно «занимает второе место в зловещем рейтинге самых леденящих душу преступлений в европейской литературе XVIII века после изнасилования Клариссы»⁶⁰.

В Голландии Роксана живет несколько лет, «наружно благодушевья», а на самом деле пребывая в состоянии глубокой душевной депрессии, с такими классическими симптомами как повышенная тревожность, бессонница, ночные кошмары и хроническая усталость. «Гнев небесный обрушился на нас за зло, какое мы обе причинили бедной девушке, и я впала в такое ничтожество, что раскаяние мое казалось лишь следствием несчастий, точно так же, как несчастья эти являлись следствием моих преступлений»⁶¹, – пишет Роксана, из чего можно сделать вывод, что душевные муки увенчались еще и финансовым крахом.

Из скомканного эпилога, фабульной незавершенности «Роксаны» и нарочито оптимистического финала «Молль Флендерс» следует чрезвычайное многообразие трактовок нравственно-психологических и социальных причин поведения героини. К тому же возникает закономерный вопрос о целеполагании автора, рассказавшего истории двух незаурядных женщин, к которым с некоторыми оговорками можно применить понятие *self-made* – человека, добившегося успеха своими силами.

Естественно предположить, что пространство романов было использовано Дефо в качестве плацдарма для изложения собственных взглядов на спектр проблем, связанных с положением женщины в обществе. Действительно тема неравноправия мужчины и женщины в браке звучит громко. Но какова позиция самого Дефо? В научной литературе на этот счет нет единого мнения: одни исследователи полагают, что Дефо мыслил в патриархальном, созвучном своему времени духе, по ходу повествования доказывая, что душа женщины трагически потеряна, если она не обеспечена в браке. «В структурном отношении “Молль Флендерс” и “Роксана” представляют серию супружеских и псевдосупружеских отношений в различных социальных стратах. В видении Дефо традиционный брак – вот ключ к решению социальных и экономических проблем, в то время как внебрачные отношения и размытые моральные стандарты подвергались им самому суровому порицанию... Ошибаются те читатели, которые принимают феминистские

⁵⁹ Бахтин. 1975. С. 274.

⁶⁰ Molesworth. 2010. P. 118.

⁶¹ Дефо. Роксана. С. 264.

рассуждения Роксаны за точку зрения самого Дефо, демонстрирующего, что несчастья Роксаны есть следствие не замужества, а неудачного выбора супруга и недооценки важности института брака...»⁶².

Другие называют Дефо апологетом женской независимости и суровым критиком тех, кто ограничивает женское предназначение рамками домашнего очага. «Дефо показал, что даже в браке женщина не получает гарантий экономической стабильности, что зачастую устроенный родителями супружеский союз приводит к катастрофическим последствиям для женщины. Сюжет, представленный Дефо, продиктован не провидением, а сознательной волей женщины и ее желанием выйти за рамки уготованной ей роли в случае, когда ее действия и поступки, правильные с точки зрения устоявшихся моральных стандартов, не находят адекватного вознаграждения»⁶³.

Третьи же полагают, что Дефо как писатель, вовлеченный в коммерцию, не интересовался морально-этическими проблемами, в том числе из области брачных отношений. «Он писал о политике, морали, социальных проблемах, но будучи деловым человеком, адресовал свои творения аналогичной аудитории, которая обожала читать о вымышленных или реальных персонажах, извлекающих выгоды из каждой сомнительной авантюры и методично их подсчитывающих. Дефо – горячий апологет капитализма Нового времени, и его романы сцена за сценой демонстрируют ничем неприкрытую жажду наживы, молчаливо одобряемую им самим и, главное, удовлетворяющую ожиданиям читающей публики»⁶⁴. Потому-то он показывает, что стремление героинь к экономической и сексуальной свободе вполне рационально, ведь недаром роман изобилует описанием финансовых выгод этого стремления. В рамках данного подхода поступки Молль и Роксаны, все их «коммерческие» авантюры, какими бы сомнительными они не выглядели этически, олицетворяют созидательную мощь среднего класса, составляющего основу экономического процветания английской нации. Молль, дочь воровки, сама ставшая преступницей, «никогда не падает до самого дна, и даже оказавшись в Ньюгейтской тюрьме, сохранив свой статус буржуа»⁶⁵. Нажитые несправедливым путем деньги помогают Молль обзавестись не только удобной камерой в Ньюгейте и личной каютой на корабле, везущем ее в ссылку, но и сделать путешествие максимально комфортным. Как воровка и содержанка Молль наказана, но

⁶² Guilhamet. 2010. P. 175-176.

⁶³ Saxton. 2009. P. 88.

⁶⁴ Novak. 2011. P. 617.

⁶⁵ Watt. 1957. P. 114.

Молль-капиталист спасена и вознаграждена, и ее мечта о неограниченном благосостоянии материализуется в североамериканских колониях, где она приобщается к классу крупных земельных собственников. Но если Молль маскирует свои амбиции, то Роксана гордится тем, что проворачивает финансовые операции под талантливым руководством сэра Роберта Клейтона, по ее словам, «блистательного дельца и человека безукоризненной честности». Любопытно, что в «Дневнике чумного года» Дефо практически уличил Клейтона в том, что он обогатился, пустив под строительство кладбищенские участки, где хоронили умерших во время эпидемии чумы лондонцев⁶⁶. Неудивительно, что Роксана легко находит с ним общий язык, ведь это язык ранней стадии британского империализма, которая для Дефо и его современников ассоциировалась с неприкрытой жадной наживы, беззащитной эксплуатацией и жестокими колониальными войнами. «В “Роксане” взрыв агрессивной энергии капиталистического авантюризма воплощается в пугающей фигуре женщины-мужчины»⁶⁷, идеале, к которому стремится Роксана, заявляющая о своем желании «быть мужчиной среди женщин». Самоощущению Роксаны и Молль, как деловых женщин, соответствует и стиль их записок: суховатый, подробный, изобилующий количеством цифр и канцеляризм, свойственным сфере делопроизводства и коммерции. Это стиль самого Дефо, чья проза «воплощает знаменитую программу архиепископа Спрата: сдержанно лаконичная, приближенная к повседневной речи, математически точная»⁶⁸.

Специфика положения Молль и Роксаны в том, что они вторгаются в сферы мужской профессиональной деятельности единственно возможным для них способом – посредством эксплуатации своего женского естества. Внешняя привлекательность и фертильность – их активы, стоимость которых определяют любовники и мужья, затем по мере укрепления финансового благополучия – уже они сами. Они с упоением коллекционируют титулы и драгоценности, фетишизируют их, символизируя диалектическое единство между контролем над собственностью (мужское начало) и статусом собственности (женское начало). При этом на протяжении жизненного пути обе героини (или антигероини) попирают нравственные и общественные законы, и без стеснения повествуют об этом. Прелюбодеяние, блуд, инцест, многожурье, воровство, детоубийство – Молль и Роксана планомерно нарушают одну заповедь за

⁶⁶ Дефо. Дневник Чумного Года. С. 297-298.

⁶⁷ Brown. 1993. P. 155.

⁶⁸ Watt. P. 100.

другой, увязая в грехах и двигаясь, как следовало бы, к вечному проклятию, а на деле, к respectable браку и обеспеченной жизни.

Даже названия обоих романов наталкивали на мысли об изобилии секса и скандала за ширмой автобиографии, "приправленной" нравоучительным подтекстом. Казалось, Дефо обещал увлечь читателя пикантным повествованием и одновременно преподавать некий урок. Но если бы замысел Дефо сводился к банальному извлечению морали, то биографии Молль и Роксаны можно было читать как историю деградации, а оба романа не вышли бы за рамки нравоописательных очерков. Действительно, романы Дефо явились развитием предшествовавшей очерковой литературы, но, как справедливо отмечал А. Аникст, в отличие от нравоописательных эссе, где «отношение человека к обществу рассматривалось с точки определенных этических критериев, в романах Дефо изображается реальная жизненная практика, и... мораль оказывалась не более чем довеском к биографии героя, противоречившей принципам добродетели и благочестия, утверждавшимся в финале повествования»⁶⁹.

В этой связи удивляет единодушие исследователей в отношении "нравоучительного" финала «Роксаны», живописующего неотвратимость наказания как доказательство справедливости "божественного Провидения". «Однако данный пессимистический взгляд на развитие сюжета, если и не совсем неправомерен, то, во всяком случае, упрощен и категоричен в своей однозначности. Ибо "Роксану" как роман рококо характеризует именно то искусство иронического намека, а не однозначного утверждения, намека, более емкого в своей содержательности, чем прямолинейное знание, ведущее к монополии авторской оценки, суждения»⁷⁰. Молль и Роксана относятся к презируемой моралистом Шефтсбери, но широко распространенной категории людей, у которых «нет лучших соображений в пользу честности, кроме страха перед виселицей и тюрьмой»⁷¹. Показателен эпизод, когда корабль, на котором Роксана с Эми возвращаются из Франции, попадает в бурю. Героиня, внезапно почувствовавшая отвращение к прежнему образу жизни, в приступе бурного раскаяния, обещает вести уединенную и добродетельную жизнь, раздавая милостыню из своих несправедливо нажитых богатств. Но раскаяние, как признает Роксана, «было того рода, какое бывает у преступника, когда его подводят к эшафоту: он жалеет о том, что совершил преступление не оттого, что это преступление, а оттого, что его за это повесят»⁷².

⁶⁹ Аникст. 1959. С. 147.

⁷⁰ Романчук. Специфика языкового стиля...

⁷¹ Шефтсбери. Sensus communis // Шефтсбери. 1975. С. 315.

⁷² Дефо. Роксана. С. 107.

Похожие чувства испытывает Молль во время своего пребывания в Ньюгейте: «Грош цена говорила я себе, раскаянию человека, который и так уже лишен возможности грешить. Ведь не о преступлениях своих горевала я, а об ожидающем меня за них наказании; и то, что меня страшил не грех, а расплата за грех, отнимало у меня последнее утешение, отнимало даже надежду на искреннее покаяние»⁷³. Впрочем, как верно заметил Я. Уотт, «кражи и любовные связи Молль потеряли бы изрядную долю очарования, если бы смешались с пеплом раскаяния»⁷⁴.

Тщеславие, алчность, сладострастие – вот “дьяволы”, которые обрекают героинь на вечное проклятие, и одновременно это три кита, на которых покоится их, во-первых, самореализация, а, во-вторых, материальное благополучие. Фактически через срез биографии Молль и Роксаны Дефо продемонстрировал механизмы функционирования парадоксального мандевилевского общества, члены которого стремятся к максимальному удовлетворению личных потребностей. Но если Мандевиля интересовало, главным образом, то, как поставить частные пороки на службу обществу, то Дефо рассмотрел проблему в иной плоскости. Принимая как очевидный факт то, что эгоизм является основой и движущей силой человеческой природы, он задается вопросом: какова цена, которую платит женщина за реализацию своего потенциала в буржуазном мире, где традиционные нормы постепенно вытесняются новой индивидуалистической идеологией?

Несомненно, романы Дефо – отражение популярных в XVIII столетии размышлений о возможности мирного симбиоза личности и общества. «Но если век Просвещения объявил, что разрешил эту сложную дилемму, оправдав стремление к личному обогащению и провозгласив его инструментом общественного процветания, то Дефо показал иллюзорность этого самонадеянного утверждения. Ни в новой индивидуалистической экономике, ни в патриархальном браке личность и общество не могут гармонично сосуществовать»⁷⁵. Так, Молль и Роксана, насильственно вырванные из рутинного существования в патриархальном браке, не только идеально вписались в новое общество, но, на первый взгляд, даже преуспели в нем, грамотно распорядившись своими женскими “активами”. К красоте и плодовитости героинь прилагается острый ум, находчивость, амбиции, а самое главное, ярко выраженный *индивидуализм* и пренебрежение всем, что не имеет отношение к ним лично. «Буржуа-

⁷³ Дефо. Молль Флендерс. С. 350.

⁷⁴ Watt. 2000. P. 115.

⁷⁵ Kitsi-Mitakou. 2005. P. 79.

зия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения... В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности»⁷⁶.

Симптоматично, что и Роксана, чья деятельность откровенно аморальна, и Молль, являющаяся отъявленной преступницей, действуют в соответствии с принципами «модернизированной» в XVIII в. буржуазной протестантской этики. «Пуританизм стоял у колыбели современного «экономического человека». Правда, и пуританские жизненные идеалы подчас не выдерживали натиска слишком сильных «искушений», которые, как хорошо было известно и пуританам, таило в себе богатство»⁷⁷. Бессильны перед искушениями обе героини: их моральное чувство мотивировано не внутренней душевной потребностью, а внешними стимулами, такими, например, как страх смерти. Внутренний голос совести служит им инструментом послушным, и каким бы умильным не выглядело их раскаяние, им не приходит мысль отказаться от капиталов, нажитых воровством и распутством. Дожившая до глубокой старости Молль, по ироничному утверждению Дефо, «уже те так горько каялась, как сначала...»⁷⁸, а угрызания совести Роксаны больше напоминают самолюбование. «Я думаю, свет не видывал такой женщины, как я: прожить двадцать шесть лет, увязая в пороке, и не испытывать при этом ни тени раскаяния, или хотя бы сожаления, ни намека на желание положить такой жизни конец!»⁷⁹. Обе они достигли тихой гавани в виде респектабельного буржуазного (у Роксаны с аристократическим оттенком) существования, состоялись в матримониальной и профессиональной сферах. Но если у Молль важным компонентом ее новой жизни становится спокойная совесть, то для Роксаны цена успеха оказалась слишком высокой. При всем своем внешнем благополучии она остается один на один с темными безднами собственного индивидуалистического сознания и медленно скатывается в глубокую депрессию.

Остается гадать, какой сценарий, оптимистический или пессимистический, был ближе самому Дефо, и насколько поблек его просветительский оптимизм относительно возможностей человеческой природы. Ясно одно, в его видении роль женщины не ограничивается традиционной ролью жены и матери, чей удел – подчинение. Симптоматично, что

⁷⁶ Маркс, Энгельс. Манифест коммунистической партии...

⁷⁷ Вебер. 1990. С. 199-200.

⁷⁸ Дефо. Молль Флендерс. С. 12-13.

⁷⁹ Дефо. Роксана. С. 152.

приключения Молль и Роксаны завершаются замужеством, в котором они являются не просто потребителями материальных благ, а равноправными партнерами своих мужей и активным *созидающим* началом брачного союза. Несомненно, позиция самого Дефо, идет вразрез с характерной для Нового времени идеей отказа от равенства полов и нежеланием видеть в женщине выходящую за рамки семьи индивидуальность. «Женщина, чья идентичность вскормлена на альтруизме и семейной общности интересов, не зависит от существующего в обществе порядка, основанного на временных трудовых соглашениях: она зависит от порядка, существующего в семье и обусловленного самой природой... Признать женщину в качестве независимого индивида означало бы извратить ее природу, ускорить крушение семейных устоев, внести смуту в отношения между полами»⁸⁰.

Дефо вольно или невольно показал рождение женщин нового типа: женщины, которые даже в системе супружеских отношений претендуют на обладание необходимыми инструментами для собственного материального обеспечения, на больший доступ к знаниям и информации. Ломая стереотипы, он распространяет равно на оба гендера право распоряжаться собой, детерминировать поведение, исходя из индивидуальных предпочтений, и созидать действительность, и тем самым, создает новую с точки зрения истории социальную модель “третьей” женщины.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аникст А.* История английской литературы. М.: Учпедгиз, 1959. 483 с.
- Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 505 с.
- Бердяев Н.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 61–284.
- Дефо Д.* Дневник Чумного Года. М.: Люкс, 2005. 317 с.
- Дефо Д.* Молль Флендерс. М.: Художественная литература, 1978. 444 с.
- Дефо Д.* Счастливая кургизанка или Роксана. М.: Наука, 1974. 300 с.
- Елистратова А.А.* Английский роман эпохи Просвещения. М.: Наука, 1966. 470 с.
- История женщин / Под ред. Н. Дэвис и А. Фарж. Т.2. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб.: Алетейя, 2008. 558 с.
- Лабутина Т.Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб.: Алетейя, 2011. 244 с.
- Липовецкий Ж.* Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

⁸⁰ *Липовецкий Ж.* Третья женщина. С. 304-305.

- Мюшембле Р.М. Оргазм, или любовные утехы на Западе. История наслаждений на Западе с XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 512 с.
- Романчук Л. Специфика языкового стиля романа Даниэля Дефо “Роксана”// Режим доступа: <http://www.roman-chuk.narod.ru/1/Roxana.htm>.
- Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2-х томах. М., 1981.
- Фукс Э. История проституции трех веков. М.;СПб.: Книговец, 2010. 232 с.
- Шефтсбери. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975. 543 с.
- Эрлихсон И.М. Pamфлет Б. Мандевилля «Благопристойные аргументы в защиту государственных публичных домов»: к вопросу о цели написания и жанре // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 66-88.
- Bastard and foundlings: illegitimacy in 18th century England. Ohio University, 2005. 227 p.
- Brown L. Ends of empire. Women and ideology in early eighteenth century English Literature. – Cornell University, 1993. 205 p.
- Guilhamet L. Defoe and the Whig novel: a reading of the major fiction. New York: Rosemont Publishing and Printing Corp., 2010. 243 p.
- King Hicken A. Erotic economics. “Roxana” and functional finance of romance fiction. Diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy. Arisona, 2009. 248 p.
- Kitsi-Mitakou K. Whoring, incest, duplicity or the “self-polluting erotics of Daniel Defoe’s Moll Flanders // Genealogies of identity . Interdisciplinary reading of sex and sexuality/ Ed. by M.S. Breen. Amsterdam; New York, 2005. P. 79-95.
- Lebenbaum M. Moll Flenders : a woman on her own account // The authority of experience. Essays in Feminist criticism // Ed. by A. Diamond. – University of Massachusetts press, 1988. P. 101-118.
- Linker L. The female libertine from Dryden to Defoe. Diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy. – University of North Carolina, 2008. 284 p.
- Bernard Mandeville ‘s «A modest defence of publick stews». Prostitution and its discontents on Georgian England [Text] / Ed. by I. Primer. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 208 p.
- Molesworth J. Chance and the Eighteenth century novel: realism, probability, magic. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 275 p.
- Novak, T. Daniel Defoe: master of fictions. Oxford: Oxford University Press, 2011. 786 p.
- Roxolana in European literature// Ed. by G. Yermolenko. L., 2010. 313 p.
- Saxton K. Narratives of women and murder in England, 1680–1760. L., 2009. 159 p.
- Watt I. The rise of the novel. – University of California press, 2000. 320 p.

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина; i.erlihson@rsu.edu.ru; erlihson@rambler.ru